

Петр Афанасьевич Назаренко. Воспоминания.

- Мой дед Назаренко Андрей Ефимович и отец Афанасий Андреевич в 1909 году по реформе А.П. Столыпина выехали с Украины в Сибирь.

Пётр Афанасьевич вспоминает, что сначала они отправили ходоков посмотреть земли по Оби, но земли там им не приглянулись. Мягкий климат Алтая и степные просторы привлекли хлеборобов. И они переехали на Алтай, в то время это была Томская губерния. Факт переселения подтверждают документы Го-

Петр Афанасьевич Назаренко

сударственного архива г. Барнаула, Алтайского края. По переписи 1917 года получили следующую информацию:

«**Назаренко Андрей Ефимович** - глава семьи, жена, два сына, сноха.

Всего поголовья скота - 13 голов.

Землевладения - 4,5 десятины.

Назаренко Афанасий Андреевич - глава семьи, жена-**Марья Федосеевна**, дочь - **Елена**, четверо сыновей: **Кузьма, Филипп, Григорий, Иван**.

Хозяйство: 5 лошадей, 12 крупного рогатого скота, 5 свиней, всего - 22 головы.

Земельное владение - 8 десятин».

Уже на Алтае родились Владимир, Пётр, Николай.

Семья большая, дружная и трудолюбивая. Отец занимался хлебопашеством. После революции для крестьян наступили неспокойные времена: сначала ввели продразвёрстку, в 21-м её заменили продналогом.

«Ленин, – говорит Пётр Афанасьевич, – проводил коллективизацию на добровольных началах, но после его смерти Сталин стал насильно загонять в колхозы. Беднякам нечего терять, у них сроду ничего не было, а крепкие крестьяне, своим горбом наживавшие добро, идти в колхоз не хотели. Отца арестовывали несколько раз, но отпускали - нет вины за ним.

Скот, сельскохозяйственный инвентарь забрали в колхоз, через год скотина передохла, некому смотреть было за ней, работать-то голытьба не хотела. В 1931 году нас сослали с Алтайского края, Ключевского района, с. Златополь, Лукиных - в мае того же года с Алтайского края, Косихинского района, с. Верхбобровка».

Александра Яковлевна Лукина (Назаренко) позже станет женой Петра Афанасьевича.

«Нас погрузили на поезд в Кулунде и повезли в Омск, - продолжает дядя Петя. - На трёх баржах везли вниз по Иртышу до устья. Так как везти три баржи было очень трудно, то другие нас обгоняли. Потом - вверх по Оби, дошли до Васюгана и опять вверх по Васюгану.»

Даже проследив по карте этот путь, трудно представить, как могли пережить это расстояние люди в битком набитых баржах.

«Голод и смерть – спутники спецпереселенцев. Сколько умерло в дороге, сказать не могу, не знаю, - вспоминает Пётр Афанасьевич. - Сначала оплакивали умерших, а потом молча провожали взглядом до последнего пристанища тех, кого хоронили или просто выгружали на берег. Только дойдя до устья Нюрольки, начали разгружать людей на необжитых местах, где потом образовались посёлки: Тюкалинка, Рабочий, Уралка, на Нюрольке - Волчиха

Севилле Руштыевна Кереджи Оглы.

его от голода, и уследить за ними не было никакой возможности. Очень бедно жили в колхозе. Рабочим варили болтанку: 5 литров воды, 30 г муки, травы, литр молока. За эту еду ещё и высчитывали из трудодней. Такая жизнь тянулась до 1938 года...»

*Воспоминания П.А. Назаренко записаны
с его слов ребятами краеведческого кружка
«Поиск» ООШ им. Ляшенко п. Мыльджино*

и Славгородка. Примерно 10-11 тысяч привезли людей. Нас, 3 тысячи человек, высадили на Волчихе. Очень много вымерло в первый год, около 70%: от голода, болезней, тонули в реке, задирали зверь в лесу, шли в тайгу за пропитанием и там гибли. Для степных людей, не знающих тайги, очень трудно было выжить. Многие жили в балаганах до глубокой осени, кое-кто и до Нового года, а это - верная смерть. Паёк выдавали 300 г муки на едока, за ним ездил сельский совет, там старшие на весах, на палке взвешивали муку, а потом делили её кружками, стаканами. Муку добавляли в болтанку из опилок, гнилушек, траву - крапиву да лебеду, пекли также хлеб из опилок, гнилушек и муки, если можно назвать это хлебом. Спасала колба, остяки показали, где её рвать, но не было соли. Больше всего страдали от дизентерии. Заболевших дизентерией переселили на другую сторону Нюрольки, но люди пытались вернуться к своим родным через реку вплавь и при этом тонули.

Много зависело от местной власти, от коменданта. Издевались над народом, как могли. Любое слово против – заставляли за это долбить мёрзлую землю 1 куб. м за день, а потом заваливали эту яму. На другой день задание увеличивали до 1,5 куб. м и опять заваливали.

Начали разработку полей. Нужно было свалить лес, выкорчевать пни. Лес был очень крупный, а для работы – топор, лопата, вага да верёвки. Очень много погибло на этом лесоповале, наравне с мужчинами работали и женщины, а какие они работники, когда еле ноги переставляли от голода? И никто за смерть людей не отвечал, закапывали, как мусор. В 1932 году вымерло ещё примерно 15-20%, у нас от голода умер Володя, хотя был самым крупным из нас. Потом умирало всё меньше и меньше, выжили самые сильные. В Волчихе осталось дворов 150-200. На родине не вступили в колхоз, так здесь образовали колхоз «Рассвет». Семена колхозу выдавало государство, а в землю попадало 15-20%, люди съедали